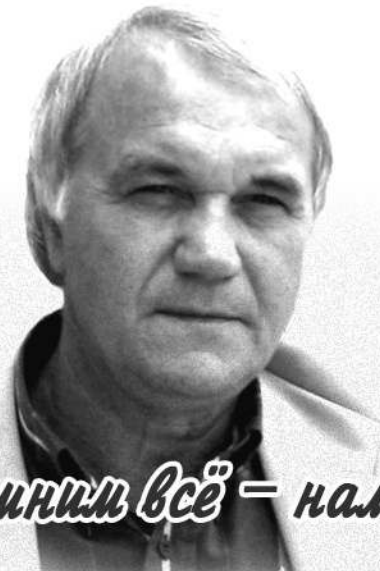

Александр КОВАЛЕВ

г. Санкт-Петербург

Александр Николаевич КОВАЛЕВ –

*инженер-энергетик по образованию,
доктор технических наук, профессор,
академик Петровской академии наук и искусств.
Одновременно много лет профессионально работает
в литературе, член СП СССР (сейчас РФ).
Поэт, прозаик, публицист,
автор многих книг и публикаций в периодике.
Лауреат премии Ленинского комсомола,
Всероссийской литературной премии им. Б. Корнилова,
премии им. А. Невского и ряда других
литературных премий современной России.
Член редакционного совета журнала «Север».*

«Мы вспомним всё» – нам зло карать не ново...»

Я родился в Донбассе, в 26 верстах от Донецка, в маленьком шахтерском городке Харцызске. В мои пять лет семья уехала в Пятигорск, и единственная ниточка, связывавшая меня с Донбассом, была могила бабушки на харцызском кладбище. Приезжал я на могилу к ней нечасто, но зато частенько звонил своему приятелю Олегу, родители которого лежали рядом с бабушкой. Летом 22-го я, как обычно, позвонил в Харцызск, и Олег сказал мне, что могилы больше нет. Шальной укроповский снаряд разворотил весь участок, на котором лежали наши близкие. И тогда я поехал туда в последний раз поклониться могиле, которой уже нет. Как вы понимаете, поездка была сугубо личная. Я не был на передовой, не возил гуманитарку. И возраст, и силы не те. Я просто говорил с людьми, десять лет живущими в аду. Я просто смотрел им в глаза. Я просто написал эти строки. Так что, чем могу...

* * *

Сегодня ночью плакали деревья
в саду и в ближней лесополосе.
Я, помнится, сначала не поверил –
зачем они? Тем более к весне.

Весною нужно жить.
Пусть бродят соки,
вскипает жизнь у дремлющих корней...
Но кто-то тихо всхлипывал у окон,
чуть слышно, словно жаловался мне.

Я вышел в сад, точнее в то, что было
когда-то садом посреди села.
Луна – неосторожное светило,
над садом искорёженным плыла.

А под луной бессильно и нелепо,
сочась слезами и почти без слов
о чём-то горячо молили небо
обрубки тонких веток и стволов.

Конечно, я мольбы их не расслышал,
и вряд ли небо им дало ответ,
но понял, что просили передышки,
чтоб хоть листочки выбрались на свет.

Но не бывает выходных у тризны.
И у войны ответ всегда простой:
снаряды рвали деревья и жизни
над близкою ночной передовой.

* * *

Какая славная погода,
весна колдует у крыльца.
Какие страшные два года,
которым нет и нет конца.

Сейчас бы в поле спозаранку,
наладить плуг погожим днём,
но режут гусеницы танков
перестоявший чернозём.

Гремят недобрые зарницы,
стирая в щебень мирный дом,
и механические птицы
тротил уносят под крылом.

Зерно не скоро в пашню ляжет.
Железом пашня прорастёт.
Ошмётки плоти в камуфляже
удобряют севооборот.

Откуда ж этот без предела
майданной ненависти груз?
Что ж вы детей недоглядели,
Украина – ненька,
Мамка – Русь?

Неужто вы сынов рожали,
чтоб нашей кровью упились
заокеанские шакалы
и стая европейских крыс?

Не верю. Не могу поверить,
что не вернуться никогда
на общий, православный берег
те солнечные дни, когда
я шёл Подолом, как Арбатом,
а ты в Москве мне «Руту» пел...

Но тот, кто прежде был мне братом,
глядит в меня через прицел.

* * *

А над Донцом чудесная погода,
какой бездонно-синий небосвод.
А в городах, полях и огородах
весна осколки сеет третий год.

Беда у нас не ходит стороною,
тем более такая – на крови.
Война всегда останется войною,
как ты её в газетах не зови.

А значит, будут новые потери,
и плач, и боль во всех концах страны.
Но мы всё стерпим, потому что верим –
не зря на фронте гибнут пацаны.

Нас не сломить ни пулями, ни ложью.
В нас этот дух из глубины веков.
И в танки сядут новые Алёши,
и Жоги поведут штурмовиков.

И день придёт, безоблачный, хороший,
как тот Великий Майский День и Год,
когда мы выйдем всей страной на площадь,
от Бреста до Курил – один народ.

Мы вспомним всё –
нам зло карать не ново –
всех павших в этой битве под огнём,
Одессу, Бучу, каждый мирный дом...

И мы дойдём до Киева и Львова,
а надо, и до Одера дойдём.